

Рец. на: Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завешания петровского времени / Сост., очерки и коммент. Н.В. Козловой и А.Ю. Прокофьевой. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 911 с., ил.

Galina Ulianova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: Dvoriane Moskvyy: svadebnye akty i dukhovnye zaveshchania petrovskogo vremeni. Moscow, 2015

DOI: 10.31857/S086956870001580-9

Корпус опубликованных частнопровых источников XVIII в. — точнее, истории России имперского периода — обогатился объёмистым 900-страничным изданием, содержащим духовные (завешания), рядные и сговорные (свадебные) записи, а также семейные рядные записи (по урегулированию имущественных вопросов в других ситуациях), сделанные в петровскую эпоху представителями московского дворянства.

Составители сборника — профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, известный специалист по социально-экономической истории XVIII в. д.и.н. Н.В. Козлова и её ученица А.Ю. Прокофьева, аспирантка МГУ и научный сотрудник РГАДА, вели поиск текстов семейно-правовых актов дворян среди записных книг Московской крепостной конторы. В подготовке комментариев и указателей, переводе с немецкого языка также участвовали М.В. Николаева, Н.А. Четырина, М.А. Зинько, В.А. Ковригина, П.И. Прудовский, О.В. Фомина.

В результате тщательного сплошного постраничного просмотра десятков записных книг (где в конспективной форме регистрировались договорённости о переходах собственности внутри и за пределы семьи) было выявлено 888 документов, относящихся к первой четверти XVIII в. Такое число обработанных документов является настоящим научным свершением. Благодаря труду составителей стал доступен большой объём историко-юридических документов для широкого круга исследователей, которые, несомненно, заинтересуются передачей через тексты правовых, культурных, эстетических воззрений элиты московского дворянства эпохи Петра I.

Данное издание фактически продолжает кропотливую публикацию архивных

материалов, начатую выпущенным в 2002 г. сборником документов «Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы»¹, также подготовленным Козловой и содержащим более 380 выявленных в РГАДА семейно-правовых актов городских податных сословий.

Настоящее издание выполнено с особой тщательностью и отличается высокой археографической культурой, что уже заслуженно оценено рецензентами². Среди опубликованных документов — 326 духовных, 499 сговорных и 63 рядных записей. Они были составлены в дворянских семьях разного социального уровня, степени влияния внутри своего сословия и имущественного положения — как титулованной аристократии, так и мелкого беспоместного служилого дворянства. Как справедливо отмечают авторы-составители свода, ценность источников данного типа заключается в том, что «все эти материалы позволяют восстановить процедуру освидетельствования завещаний, выяснить некоторые подробности их составления, драматические коллизии практического исполнения имущественных распоряжений завещателя, дают возможность уточнить детали биографий конкретных лиц и фамилий» (с. 9).

Авторам посчастливилось найти в ряде случаев целые «гнезда» документов, исходивших от представителей одной и той же династии, что резко повышает информационную ценность источников, характеризующих разные стороны экономической и бытовой жизни родовитых семейств, например, Шаховских (выявлены и представлены 17 актов записей), Мещерских (13), Шереметевых (11), Голицыных и Долгоруковых (по 12 документов) и др. Анализ и «перекрёстное использование» таких комплексов источников, по словам составителей, позволяют «лучше

понять сведения, содержащиеся в отдельных документах относительно конкретных лиц, уточнить моменты биографии и генеалогию родов, узнать происхождение передаваемого по наследству имущества, увидеть развитие матримониальных связей» (с. 11).

Для примера кратко рассмотрим лишь несколько из множества документов. Так, представление о содержании сговорной даёт запись 1717 г. (документ № 562), в которой вдова майора Прасковья Карпова объявляет об условиях выдачи замуж дочери Анны за Николая Автамонова, сына Иванова, удостоверяя в оригинале подписями шести свидетелей (седьмым от семьи за Прасковью подписался её родной брат — лейтенант Кирило Сытин): «Маеора Ивановская жена Гаврилова сына Давыдова вдова Прасковья Карпова дочь зговорила дочь свою девицу Анну Иванову дочь за Николая Автамонова сына Иванова. А благословляет Божиим милосердием, да приданого и всяки кузни на две тысячи рублей, да денег тысячу рублей, да за нею ж дает, дочьрью своею, вотчину в Кашинском уезде в Сарском стану половина села Воробьева, крестьян дватцать дворов, людей деловых дватцать семей, в Володимирском уезде шестьдесят дворов, в Алаторском уезде восемь дворов. А на те выше писанныя поместья и вотчины о справке принесть челобитная в Поместной приказ за рукою» (с. 484). Благодаря информационной насыщенности этого источника можно установить схему семейных и общественных связей, уровень богатства (несмотря на отсутствие титула, его можно оценить как достаточно высокий, если сравнивать со сведениями, содержащимися в других сговорных), географию поместий и численность крепостных.

Тексты завещаний, записанных в книгах крепостной канторы, более подробны и чаще имеют эмоциональную окраску. Например, разные аспекты владения имуществом и слугами представлены в составленной в 1720 г. духовной капитана Петра Ильина Сверчкова (документ № 209). Она начинается с привычной формулы: «После живота своего в целом своем уме, очищая душу свою и долги». Не имея собственной семьи, капитан оставил имущество («поместье свое в Володимирском уезде») брату, «порутчику Дмитрию Михайлову сыну Ханеневу» (чтоб тот расплатился с его долгами), после своей кончины велел дать дворовым людям «отпускные, куда хотят». Сукно, которым следовало покрыть гроб, завещалось духовному отцу Сверчкова. В завещании мы находим подробные распоряжения, как расплатиться с долгами, в том числе и получив невыплаченное «заслуженное

мое жалованье от камисара». Вся жизнь мужчины была связана с армией, и в духовной упомянуты его сослуживцы, одному из которых — прапорщику Якову Рагозину — завещано восемь талеров (видимо, в знак дружбы) из 16 хранившихся у него (или взятых в долг), а другому — драгуну Алексею Волкову — три талера, «чтобы ему пожаловать очистить мою душу». Ещё пять талеров, отмечал завещатель, следовало отдать «по моей душе в церковь полковую». Документ интересен и тем, что в нём перечислено основное походное хозяйство Сверчкова, которое следовало продать и на вырученные деньги заказать поминальные молитвы: «Конь рыжей гнедой мерин, седло, две пары пистолетов, посуды белые, семь блюд, семь торелок, котел медной в два ведра, тазовой котел в полведра, малинкой котлик новой, шуба волчья, чапак и чушки с позументом да чапак кожаной, муштук и пахви, и паперсть с морхами, и постель». Капитан хотел оставить по пять рублей родным сёстрам, да в приходскую церковь Рождества Богородицы — «попу два рубли» (с. 281).

Большой интерес представляют полные тексты отдельных записей сестёр и братьев, договаривавшихся о владении имуществом после смерти родителей, бабушек и дедушек. Эти документы отражают достаточно высокий уровень правосознания дворянской элиты в начале XVIII в. и тщательную регламентацию имущественных отношений в законодательстве, содержащем подробную классификацию видов недвижимого и движимого имущества и понятия об их денежных эквивалентах.

В книге содержатся также тексты сделочных писем между состоящими в родстве либо в свойстве представителями разных поколений одной семьи, например, договорённости по имущественным делам, в том числе разделам собственности между сыном и матерью, пасынком и мачехой.

Например, в 1720 г. стольник князь Михайла Иванович Ухтомский договорился с матерью о размере ежегодных выплат ей по причине её старости (документ № 875). Ухтомский обязывался «мать свою книжную Авдотью Никифоровну, по смерть ее в доме своем поить, и кормить», а также выплачивать денежное и натуральное пособие: «На всякой год по десяти рублей денег, да по дватцати четвертей хлеба муки ржаной, да овсяной муки десять четвертей, масла коровья два пуда, две четверти муки пшенишной да яшной две четверти, масла конопляного ведро, пять пуд свиного мяса, солоду аржаного две четверти, соли три пуда, конопля осмина, холста сто аршин тонкова да толсто-

го сто аршин, два пуда лну, два сукна серых, а мерою по дватцати аршин, вина по пяти ведер, яиц по пяти сот».

Столь же подробной является раздельная роспись 1720 г. подьячего Алексея Аристова с мачехой Еленой Мелентьевой о любовном разделе между ними недвижимого имущества после смерти Венедикта Аристова (документ № 874). Подробно перечислено обширное наследственное имущество, включая «вотчины... в Костромском уезде в Чижевском стану сельцо Горки да деревня Жарки, да в том же уезде селцо Харино с пустошми, да в Вандовском стану сельцо Коцыно с людьми, и со крестьяны, и с пустошми ж, да московские два двора за Арбацкими воротами за Земляным городом в приходе у церкви Смоленские Богородицы, со всяким дворовым, хоронным строением, и с садами, и огороды, да... две полулавки с уккусным погребом в свешном восковом ряду на Варварской улице». Договорённость между двумя наследниками заключалась в том, что сын получал три четверти имущества (в основном поместья), а вдова-мачеха — одну четверть (московские дворы и лавки).

Вводный научно-аналитический раздел (объёмом более 4 п.л.) содержит четыре исследовательских статьи. Эти описи освещают различные стороны представленных источников и содержат результаты начатой работы по их анализу и классификации.

Козлова в разделе «Археографическая характеристика документов» (с. 16–21) представила анализ структуры крепостных записей актов семейного и наследственного права. В том числе охарактеризованы разные типы записей и их формуляры, установлена систематизация исследованных документов и рассмотрен вопрос об их эволюции в течение изучаемого периода. Немаловажно, что здесь дано описание внешнего вида и физической сохранности источника: «книги сохранились в старых кожаных или новых холщовых переплётках», «имеют разный объём», что зависело от их назначения и полноты воспроизведения текстов, а также от соединения в одном переплётке книг, содержащих записи разного рода (с. 17). Отмечено, что в некоторых книгах имелись алфавитные указатели, содержавшие перечни имён участников сделок.

В разделе, посвящённом историко-дипломатической характеристике семейно-правовых актов дворян первой четверти XVIII в. (с. 22–29), Козлова предложила типологию семейно-правовых документов, отметив их значение как источника биографических сведений. На мой взгляд, в этом разделе важны два ключевых момента. Во-первых, отме-

чено значение петровского указа от 3 апреля 1702 г., по которому вместо рядных и сговорных требовалось писать росписи приданному, и «такие росписи совместили формуляр рядных-сговорных». Для исследователей росписи приданного бесценны как источник, ибо дают возможность получения информации о мире вещей и повседневной жизни изучаемого периода. Во-вторых, очень интересно рассуждение о сакральном смысле частнопроводного акта XVIII в., в котором переплелись «религиозный смысл с житейскими заботами». Духовные или завещательные письма сохранились в архиве в большом количестве, и каждый документ в той или иной степени отражает черты религиозного сознания завещателя, стремившегося справедливо распорядиться имуществом, распределив его между родственниками и на благотворительные цели перед неизбежностью перехода в жизнь вечную. Изучение этого аспекта является достаточно новым в историографии, и ранее, пожалуй, было затронуто только в работе Д. Кайзера³.

Ещё в двух статьях даны примеры введения в научный оборот опубликованных в книге документов. В тексте Прокофьевой «Внутрисемейные и межличностные отношения в дворянской среде» (с. 30–46) проанализированы источники, выявленные в русле изучения семейных взаимоотношений, включая сложившиеся эталонные поведенческие стереотипы. Таковыми в среде дворянства были отражённые в сговорных подробнейшие договорённости о размерах приданого (включавшего недвижимость — земли и дворы с крестьянами, личные вещи — драгоценности и одежду, а также скарб — мебель, посуду, постель), о сроках свадьбы и передачи имущества по описи, о размере компенсации в случае отмены свадьбы, об условиях возврата приданого в случае смерти невесты или жены, или развода. Автор справедливо заметила, что сговорные, как никакой другой источник, фиксируют экономические и морально-этические параметры заключения брачного союза, а изучение лексики позволяет определить эмоциональный градус взаимоотношений договаривавшихся сторон. Прокофьева привела пример из документа № 686, когда будущая теща, овдовевшая княгиня Анна Ивановна Голицына, в сговорной даёт обязательство будущему зятю — полковнику и капитану от гвардии Василию Фёдоровичу Салтыкову — выплатить 6 тыс. руб. приданого долями: к 1 августа 1722 г. 2 тыс. руб., в декабре 1724 г. 4 тыс. руб. (помимо «серебра, вещей олмазных и платя»), а если же «на сроки не отдаст», то будущий зять получал право подать

на неё челобитную и взять с Голицыной или с её наследников «все сполна и с убытки». Прокофьева пришла к выводу: «Такая, на первый взгляд, противоречащая близким родственным отношениям ситуация на самом деле полностью отвечала общественной установке, направленной на предотвращение возможных семейных раздоров» (с. 39). По мнению авторов, немаловажно, что свидетелями этой сговорной выступили 18 человек, многие из которых являлись видными военными и сановниками. Таким образом, изучение механизма заключения брака по сговорным демонстрирует, что институт брака был узлом социальной сети, которая скрепляла не только брачующихся, но и целые группы дворянства, идентифицировавшего себя через родственные связи лиц высокого имущественного статуса.

Знаменательно, что автор акцентировала внимание на духовных как свидетельствах стремления к предотвращению конфликтов внутри семьи и обеспечению гарантий безбедной старости завещателя. Прописывался уход за престарелыми родителями, их «совместное проживание, материальное и продовольственное содержание». В случае невыполнения детьми обязательств, родители (например, вдовья мать) имели право обратиться в суд. Весьма интересны приводимые Прокофьевой примеры назидания отцов детям, которые после смерти родителя были обязаны «кормить и во всем не оставлять» своих матерей (с. 41). Для характеристики внутрисемейных отношений по документам этого типа весьма важен учёт демографического фактора, что подмечено исследовательницей при изучении духовных: «Военная служба первой четверти XVIII в. нередко заканчивалась для молодых дворян ранениями и ранней смертью. Множество рядных, сговорных, духовных обнаруживают немало семей, состоящих из одной или двух вдов: молодой невестки и пожилой свекрови» (с. 43). Ряд ситуаций порождал конфликты, в других случаях две женщины приходили к урегулированию вопроса о наследстве.

Программный характер носит статья Козловой «Значение семейно-правовых актов дворян для изучения социальной истории» (с. 47–64). В ней показано применение микроисторических подходов в работе с представленными текстами, выделены значимые проблемы, которые стало возможным изучать с введением этих документов в научный оборот. К таким проблемам относятся рассмотрение новой политической элиты (сложившейся в петровскую эпоху) и иерархии внутри неё, оценка материальных и моральных ценностей этой элиты и фиксация

их изменявшейся шкалы. Не меньший интерес представляет реконструкция Козловой самого механизма заключения юридических договорённостей, в том числе рассмотрение особой группы лиц (поверенных, обозначенных как «человек ево»), находившихся в услужении у представителей элиты и ходатайствовавших в присутственных местах и у частных лиц по поручению знати. Исследовательница показала, что на основе изучения духовных и сговорных расширяются возможности анализа имущественных отношений в среде дворянства. В частности, в перспективе можно определить долю мужчин и женщин среди собственников, категории собственников, их ранжир по брачному статусу и должности в официальной социальной иерархии, а также корреляцию этих двух параметров с объёмом и составом имущества.

Существенным исследовательским компонентом книги также стали подробные комментарии к документам, занимающие сотню страниц (с. 717–812) и содержащие сведения об упоминаемых исторических персонажах, иногда об обстоятельствах появления некоторых документов, а также расшифровку соответствующей лексики.

Богатая палитра документов создала широкое источниковедческое поле для анализа экономических и социальных реалий жизни московских дворян в первой четверти XVIII в. и позволила поставить вопрос о юридическом, бытовом и эмоциональном содержании отношений в дворянской среде. Новые источники важны не только для изучения бытовой стороны повседневной жизни дворян, но и для понимания их религиозности, представлений о стереотипах семейного уклада и внутрисемейной иерархии.

С выходом в свет книги в распоряжении читателя появился достаточно полный комплекс компактных источников. Наличие именного (более 10 300 персонажей) и географического указателей делает её ценным справочником, в котором содержатся ранее не известные биографические сведения о представителях московского дворянства. В целом следует отметить высокую культуру этого издания, отличающегося солидным полиграфическим оформлением.

Книга, безусловно, привлечёт внимание как академических специалистов, так и широких слоёв читающей публики, и особенно студенчества, специализирующегося по русской истории и истории права.